

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В.Кондрачука

город Санкт-Петербург

23 декабря 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина М.В.Кондрачука. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, объяснения представителей Совета Федерации и Президента Российской Федерации, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно абзацу первому пункта 1 статьи 1158 «Отказ от наследства в пользу других лиц и отказ от части наследства» ГК Российской Федерации наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства (пункт 1 статьи 1119), в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии (статья 1156).

1.1. Решением Савеловского районного суда города Москвы от 6 апреля 2012 года были частично удовлетворены исковые требования гражданина М.В.Кондрачука об определении долей в наследстве, открывшемся после смерти в 2010 году его родного брата, о признании за ним права на конкретную долю и о включении в наследственную массу спорного имущества. Принимая такое решение, суд первой инстанции исходил из того, что истец является наследником первой очереди в связи с отказом от наследства в его пользу матери наследодателя, а потому вправе претендовать на соответствующую долю в наследственном имуществе.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 7 декабря 2012 года решение Савеловского районного суда города Москвы от 6 апреля 2012 года было отменено. Принимая по делу новое решение – об отказе в удовлетворении исковых требований М.В.Кондрачука, суд апелляционной инстанции, сославшись в том числе на пункт 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», согласно которому отказ от наследства в пользу других лиц (направленный отказ) может быть совершен в пользу лишь тех лиц из числа наследников по закону любой очереди, которые призваны к наследованию, пришел к выводу, что отказ матери наследодателя от наследства в пользу истца противоречит статье 1158 ГК Российской Федерации, поскольку имеются наследники предшествующей очереди, к которой истец, как родной брат наследодателя, не относится.

Нарушение абзацем первым пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 19 и 35 Конституции Российской Федерации, гражданин М.В.Кондрачук усматривает в том, что он не позволяет однозначно определить круг лиц, в пользу которых можно совершить отказ от наследства, допуская тем самым в правоприменительной практике различные подходы к решению этого вопроса и, следовательно, возможность необоснованного исключения некоторых лиц из круга наследников по закону.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность закона, примененного в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление, исходя не только из буквального смысла подлежащего проверке законоположения, но и из

смысла, который этому законоположению придан официальным и иным толкованием и воспринят правоприменительной практикой при разрешении конкретных дел.

Таким образом, абзац первый пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение – в том числе с учетом его толкования в правоприменительной практике, сложившейся на основе разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, – позволяет определять круг лиц из числа наследников по закону любой очереди, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (статья 2) и – исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, – обязывает государство признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы на основе принципа равенства, гарантировать их согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 18; статья 19, части 1 и 2), допуская их ограничение только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Право наследования, гарантированное статьей 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации, включает в себя, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 января 1996 года № 1-П, право наследодателя распорядиться своим имуществом на случай смерти и право наследников на его получение; в совокупности двух названных правомочий это право вытекает и из статьи 35 (часть 2)

Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность для собственника распорядиться принадлежащим ему имуществом, что является основой свободы наследования. Вместе с тем статья 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации не провозглашает абсолютной свободы наследования, – как и некоторые другие права и свободы, она может быть ограничена федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в конституционно значимых целях, и при условии, что соответствующее ограничение носит обоснованный и соразмерный характер.

Обеспечивая гарантированный государством переход имущества, принадлежавшего умершему (наследодателю), к другим лицам (наследникам), конституционное право наследования само по себе не порождает у гражданина субъективных прав в отношении конкретного наследства – эти права возникают у него на основании завещания или закона, каковым в настоящее время является Гражданский кодекс Российской Федерации, а именно его раздел V, закрепляющий такие фундаментальные принципы наследственного права, как свобода завещания, свобода принятия либо непринятия наследства, включая право отказа от наследства.

3. Конституционному пониманию существа и содержания права наследования, а также способов осуществления составляющих его правомочий соответствует такое законодательное установление оснований наследования, при котором приоритет отдается воле наследодателя, выраженной в завещании, а наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием (статья 1111 ГК Российской Федерации). Исходя из этого институт наследования призван гарантировать каждому, что приобретенные им при жизни имущество и иные материальные блага (с имеющимися в отношении них обременениями) после его смерти перейдут к его наследникам либо согласно его воле как наследодателя, либо, если он ее не выразит, – согласно воле закона, которая в данном случае презюмируется как соответствующая личной воле наследодателя.

Обеспечение реализации воли наследодателя, который определенным образом распорядился своим имуществом при жизни либо положился на законодательную регламентацию права наследования, является одной из важнейших задач правового регулирования наследственных отношений, равно как и – учитывая особую социальную функцию наследственного права, отражающего применительно к различным аспектам семейно-родственных и иных взаимоотношений критерии справедливости, которые сформировались в общественном сознании, – обеспечение права наследников (по завещанию либо по закону) на получение причитающегося им наследства.

Право быть наследником – неотъемлемый элемент правового статуса каждого гражданина. Обусловленное фактом смерти наследодателя, оно реализуется лицом, которое указано в завещании в качестве правопреемника наследодателя или является таковым в силу закона и к которому переходят его права и обязанности в результате наследственного правопреемства с учетом воли наследодателя. Соответственно, для случаев, когда завещание не было составлено или признается недействительным, принцип учета воли наследодателя (действительной либо предполагаемой) требует определения круга наследников по закону и очередности их призвания к наследованию таким образом, как если бы наследодатель лично принимал решение, исходя в том числе из наличия супружеских либо родственных отношений и степени родства.

Статья 532 ГК РСФСР 1964 года в первоначальной редакции предусматривала две очереди наследников по закону, а после внесения в нее изменений Федеральным законом от 14 мая 2001 года № 51-ФЗ – четыре: в первую очередь наследовали дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (усыновители) умершего, а также ребенок умершего, родившийся после его смерти, во вторую – братья и сестры умершего, его дед и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери; братья и сестры родителей умершего (дяди и тети наследодателя) наследовали в третью очередь, а

прадеды и прабабки умершего как со стороны деда, так и со стороны бабушки – в четвертую.

Глава 63 части третьей ГК Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 2002 года, устанавливает восемь очередей наследников по закону: так, наследниками первой очереди являются дети, супруг и родители наследодателя, а также внуки наследодателя и их потомки – по праву представления (статья 1142); наследниками второй очереди являются полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушки и бабушки, а также племянники и племянницы наследодателя – по праву представления (статья 1143); наследниками третьей очереди являются дяди и тети наследодателя, а также его двоюродные братья и сестры – по праву представления (статья 1144); наследники последующих очередей (четвертой, пятой и шестой) получают право наследовать по закону, если нет наследников первой, второй и третьей очереди; в качестве наследников седьмой очереди призываются к наследованию пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя, если нет наследников предшествующих очередей (статья 1145); нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют по правилам статьи 1148 данного Кодекса, а при отсутствии других наследников по закону наследуют самостоятельно в качестве наследников восьмой очереди.

Согласно пункту 1 статьи 1141 ГК Российской Федерации наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующих очередей, т.е. если наследники предшествующих очередей отсутствуют, либо никто из них не имеет права наследовать, либо все они отстранены от наследования (статья 1117), либо лишены наследства (пункт 1 статьи 1119), либо никто из них не принял наследства, либо все они отказались от наследства. Наследники же всех последующих очередей устраняются от наследования, если имеется хотя бы одно лицо, отнесенное к предыдущей очереди, и если это лицо не лишено по каким-либо причинам права наследования и намерено его реализовать.

4. Лицо, имеющее право на принятие наследства (право наследования), по смыслу Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе его статей 1152–1159, может принять наследство, не принимать наследство либо отказаться от него.

Будучи неотъемлемой частью права наследования, эти правомочия вытекают из закрепленных данным Кодексом основных начал гражданского законодательства, в которых нашел свое выражение присущий гражданским правоотношениям принцип диспозитивности и в силу которых граждане приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (статья 1), участвуют в гражданских отношениях на основе автономии воли и имущественной самостоятельности (статья 2), по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (статья 9).

4.1. Отказ от наследства, в том числе в пользу других лиц, по своей юридической природе, как следует из статьи 1157 ГК Российской Федерации, определяющей содержание данного права, представляет собой строго формальную одностороннюю сделку, посредством которой наследник, призванный к правопреемству после умершего лица, отказывается от причитающегося ему наследственного имущества в пределах установленного статьей 1154 данного Кодекса срока принятия наследства.

При совершении отказа от наследства – учитывая значимость его юридических последствий – необходимо соблюдение ряда установленных Гражданским кодексом Российской Федерации требований: в частности, отказаться от наследства можно только посредством подачи по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления об отказе от наследства (статья 1159); при этом отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно (пункт 3 статьи 1157); не допускается также отказ от части причитающегося наследнику наследства, однако если наследник призывается к наследованию одновременно по нескольким основаниям, то он вправе отказаться от наследства,

причитающегося ему по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям (пункт 3 статьи 1158); не допускается отказ с оговорками или под условием (абзац второй пункта 2 статьи 1158), а также при наследовании выморочного имущества (абзац второй пункта 1 статьи 1157); отказ от наследства, последовавший со стороны несовершеннолетнего, недееспособного или ограниченно дееспособного гражданина, допускается лишь с предварительного разрешения органа опеки и попечительства (пункт 4 статьи 1157).

Само по себе ограничение возможности совершить так называемый направленный отказ от наследства имеет целью не допустить искажения непосредственно выраженной или предполагаемой воли наследодателя, к чему может привести перераспределение наследства по усмотрению наследников в рамках наследственных правоотношений. Исходя из этого Гражданский кодекс Российской Федерации не только ограничивает круг субъектов, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, лицами из числа наследников по завещанию и наследников по закону любой очереди (абзац первый пункта 1 статьи 1158), но и прямо устанавливает запрет на отказ от наследства в пользу лиц, к наследникам не относящихся (абзац первый пункта 2 статьи 1158), нарушение которого, равно как и иных вытекающих из статьи 1158 данного Кодекса запретов, влечет недействительность совершенного отказа, – такая сделка в силу пункта 2 его статьи 168 является ничтожной.

4.2. Введение применительно к институту отказа от наследства в пользу других лиц такой категории субъектов наследственного права, как лица из числа наследников по закону любой очереди, не лишенные наследства, в том числе призванные к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии, свидетельствует о стремлении федерального законодателя придать этому институту – имея в виду в том числе возросшее количество очередей наследников по закону – большую ясность. Само по себе такое регулирование не может расцениваться как

недопустимое, тем более если учесть, что для решения в правоприменительной практике вопроса о составе адресатов направленного отказа от наследства в рамках прежнего законодательного регулирования наследственных отношений потребовалось официальное судебное толкование соответствующих положений Гражданского кодекса РСФСР.

Согласно статье 550 ГК РСФСР наследник по закону или по завещанию в течение шести месяцев со дня открытия наследства был вправе отказаться от наследства; при этом он мог указать, что отказывается от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону или по завещанию, в пользу государства или отдельной государственной, кооперативной или другой общественной организации (часть первая); отказ от наследства без указания, в пользу кого наследник отказывался от наследства, влек те же последствия, что и непринятие наследства (часть вторая); если наследник подал в нотариальную контору по месту открытия наследства заявление о принятии им наследства или о выдаче ему свидетельства о праве на наследство, отказ от наследства не допускался (часть третья).

Приведенные законоположения, которые, как следует из их содержания, по степени формальной определенности в принципиальном плане не отличаются от ныне действующих положений пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации, применялись в контексте разъяснения, данного в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 года № 6 «О судебной практике по делам о наследовании»: согласно подпункту «а» его пункта 8 при выборе лиц, в пользу которых наследник отказывается от наследства, он не связан очередностью призвания к наследованию.

Именно такое официальное толкование нормы, регламентирующей право на отказ от наследства в пользу других лиц, – с учетом постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1992 года № 8, в силу которого нормы бывшего Союза ССР и разъяснения по их применению, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Союза ССР, могут применяться судами до принятия соответствующих

законодательных актов Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации, законодательству Российской Федерации, Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, – действовало и после введения в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации – вплоть до принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

4.3. Изменения, произошедшие в отношениях собственности в связи с коренной перестройкой экономической системы в Российской Федерации, затронули и наследственные отношения. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, государство, объявившее своей целью создание рыночной экономики, должно обеспечивать в числе прочего и такую регламентацию права наследования, которая способствовала бы укреплению и наибольшему развитию частного предпринимательства и частной собственности (Определение от 5 октября 2000 года № 200-О).

В частности, расширение Гражданским кодексом Российской Федерации круга наследников по закону – притом что факт родства, вплоть до пятой степени, сохраняет приоритет перед иными отношениями – позволило свести к минимуму случаи наследования выморочного имущества публичными субъектами и тем самым способствовало приращению имущества граждан, обеспечению их прав и законных интересов в сфере частной собственности. Вместе с тем признание права наследования по закону за дальними родственниками наследодателя, равно как и признание определенных наследственных прав, вытекающих из отношений свойства, за лицами, не являющимися кровными родственниками наследодателя, породило в правоприменительной практике, сформировавшейся еще в рамках ранее действовавшего правового регулирования, трудности, обусловленные необходимостью подтверждения, в том числе документального, соответствующих родственных или семейных отношений, отсутствие которых может свидетельствовать о незаинтересованности

наследодателя в распределении имущества среди лиц, с которыми он не был связан тесными узами.

С тем чтобы в контексте изменившегося правового регулирования скорректировать практику определения круга лиц, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 44 постановления от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» интерпретировал положения пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации как допускающие отказ от наследства лишь в пользу лиц из числа наследников по завещанию, а также тех лиц из числа наследников по закону любой очереди, которые призваны к наследованию.

В результате данного официального судебного толкования отказ от наследства в пользу лиц из числа наследников по закону после 29 мая 2012 года рассматривается судами общей юрисдикции как способ перераспределения долей между призванными к наследованию лицами из числа наследников по закону, относящихся к одной очереди. Сам по себе подобный подход, в котором отражен один из возможных, конституционно приемлемых и не отступающих от конституционных начал наследственных отношений вариантов решения вопроса, не противоречит Конституции Российской Федерации, в том числе ее статье 35. Не нарушается при этом и закрепленный в статье 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства, поскольку из разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации однозначно и недвусмысленно следует, что наследство может быть приобретено лишь теми лицами, которые – в зависимости от фактических обстоятельств и в силу волеизъявления наследодателя или в соответствии с законом – допущены к наследованию, чем не отрицается однозначность и недвусмысленность ранее действовавшего официального судебного толкования, содержащегося в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 года № 6 «О судебной практике по делам о наследовании».

5. Требование определенности правового регулирования, вытекающее из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, предполагает, что механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений; вместе с тем необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний в их действии по кругу лиц, во времени и в пространстве с помощью даваемых Верховным Судом Российской Федерации разъяснений по вопросам судебной практики, целью которых является устранение неопределенности нормы, обеспечение ее однозначного истолкования и единообразного применения, в том числе при необходимости адекватного и своевременного приспособления регулирующей роли нормы в единстве ее буквы и духа к той или иной сфере общественных отношений в их динамике; при этом, однако, необходимо соблюдение принципа поддержания доверия граждан к закону, предполагающего сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости – предоставление гражданам возможности, в частности посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям.

Приведенные правовые позиции, выраженные Конституционным Судом Российской Федерации в том числе в постановлениях от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П и от 8 ноября 2012 года № 25-П, в полной мере распространяются на случаи, когда при отсутствии должной нормативной определенности правового регулирования встает вопрос об обеспечении единства правоприменительной практики в рамках установленной Конституцией

Российской Федерации компетенции Верховного Суда Российской Федерации.

5.1. Как указывал в ряде своих решений Конституционный Суд Российской Федерации, суд общей юрисдикции или арбитражный суд, в силу статьи 120 Конституции Российской Федерации самостоятельно решая вопрос, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уясняет смысл нормы, т.е. осуществляет ее казуальное толкование. Вместе с тем балансом закрепленных Конституцией Российской Федерации принципов независимости судей при осуществлении правосудия (статья 120, часть 1), верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов в российской правовой системе, а также равенства всех перед законом и судом (статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2; статья 19, часть 1) обуславливается требование единства практики применения норм законодательства всеми судами.

Вытекающее из статьи 126 Конституции Российской Федерации и конкретизированное в Федеральном конституционном законе от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» правомочие Пленума Верховного Суда Российской Федерации давать судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики (пункт 1 части 4 статьи 14) направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права судами общей юрисдикции и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы, который основан на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции Российской Федерации и реализация которого в процессуальном регулировании обеспечивается установленной законом возможностью отмены судебных постановлений, в том числе в случае их расхождения с постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащими разъяснения по вопросам судебной практики.

Соответственно, после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором разъясняется смысл той или иной нормы права, применение судами общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотноситься с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, – иное может свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела.

5.2. В случаях, когда речь идет о сопоставлении одного официального судебного толкования нормы с другим, более новым, ее толкованием при решении вопроса о том, какое из них применимо для установления наличия или отсутствия каких-либо прав или обязанностей сторон соответствующих правоотношений, необходимо исходить из конституционных принципов равенства и справедливости, а также требования формальной определенности норм, с тем чтобы избежать нарушения общих принципов правового регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

До принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» практика применения абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации следовала практике применения института направленного отказа от наследства, сложившейся на основе ранее действовавшего правового регулирования в его официальном судебном толковании, содержащемся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 года № 6 «О судебной практике по делам о наследовании», в соответствии с которым наследник был вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону любой очереди – независимо от их призвания к наследованию. В настоящее время имеет место формирование судебной практики, основанной на ином подходе, в силу которого отказ от наследства возможен в отношении тех наследников

по закону, которые призываются к наследованию, притом что порядок наследования не изменен завещанием.

Новое официальное судебное толкование института направленного отказа от наследства носит, таким образом, не первичный характер, а, по существу, с определенного момента заменяет ранее действовавшее официальное судебное толкование на фактически противоположное, хотя и в равной мере содержательно допустимое с точки зрения Конституции Российской Федерации, причем в правоприменительной практике (о чем, в частности, свидетельствует апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, вынесенное по делу М.В.Кондрачука) оно воспринимается как распространяющееся и на те правоотношения, которые возникли до принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Это свидетельствует о том, что в данном случае использование официального судебного толкования применительно к наследственным правоотношениям, возникшим в период его действия в первоначальном варианте, и тем более – к ранее вынесенным на его основе судебным постановлениям не обеспечивает определенность нормативного содержания абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации, необходимую при решении вопроса об установлении круга лиц, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства.

Отсутствие в самом тексте абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации специального указания на то, каким образом можно совершить направленный отказ от наследства – в пользу любого лица, входящего в круг наследников (статьи 1142–1145 и 1148 ГК Российской Федерации), призванных к наследованию, либо независимо от их призвания к наследованию, обуславливает осуществление отказа от наследства в пользу других лиц наследником, призванным к наследованию и вследствие этого обладающим правом на наследование имущества умершего (статья 35, часть 4, Конституции Российской Федерации),

обстоятельствами и условиями реализации им данного права, а также ставит решение вопроса о круге лиц, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, той или иной судебной инстанцией в зависимости от того, как по времени соотносится рассмотрение соответствующего гражданского дела с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Вследствие этого в отношении участников возникших до 29 мая 2012 года наследственных правоотношений, которые соотносили свои действия с законом в его прежнем официальном толковании и полагали, что они могут предвидеть последствия этих действий и быть уверенными в неизменности приобретенных ими прав, гарантированных статьей 35 (части 2 и 4) Конституции Российской Федерации, оказывается нарушенным принцип правовой определенности. Тем самым подрывается доверие граждан к закону и действиям государства, что, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, недопустимо.

5.3. Таким образом, абзац первый пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное законоположение в силу неопределенности своего нормативного содержания в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, допускает возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения института направленного отказа от наследства в этой части.

Поскольку нормативная определенность института направленного отказа от наследства, как он сформулирован в абзаце первом пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации, до настоящего времени обеспечивалась через его официальное судебное толкование, которое в 2012 году претерпело кардинальные изменения (что привело в правоприменительной практике к

изменению подхода к установлению круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, применительно к ранее сложившимся наследственным отношениям), реализация наиболее сбалансированным образом принципа разделения властей (статья 10 Конституции Российской Федерации) требует именно законодательной корректировки данного института.

Соответственно, федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести изменения в правовое регулирование направленного отказа от наследства, конкретизировав его в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства. При этом не исключается воспроизведение в тексте Гражданского кодекса Российской Федерации официального судебного толкования соответствующих законоположений (в прежнем или новом варианте), но в любом случае – с обязательным обеспечением поддержания доверия граждан к правовому регулированию.

В целях обеспечения стабильности правоотношений в интересах субъектов права Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает возможным установить следующий порядок исполнения настоящего Постановления.

Впредь до внесения в Гражданский кодекс Российской Федерации изменений, обусловленных признанием абзаца первого пункта 1 его статьи 1158 не соответствующим Конституции Российской Федерации, отказ от наследства в пользу других лиц в рамках наследственных правоотношений, возникших до 29 мая 2012 года, осуществляется в соответствии с официальным судебным толкованием данного законоположения, не

исключающим право наследника отказаться от наследства в пользу лиц, не призванных к наследованию, но относящихся к очередям наследования по закону как в силу действующего правового регулирования (статьи 1142–1148 ГК Российской Федерации), так и в силу прежнего правового регулирования (статья 532 ГК РСФСР), на основе которого сложилось указанное официальное судебное толкование. Соответственно, абзац первый пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации в его ныне действующем официальном судебном толковании не подлежит применению при пересмотре вышестоящими судебными инстанциями судебных постановлений нижестоящих судов, принятых по делам, связанным с определением круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, в рамках наследственных правоотношений, возникших до 29 мая 2012 года. Применительно к наследственным правоотношениям, возникшим после этой даты, сохраняет свое действие официальное судебное толкование абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации, данное в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать абзац первый пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное законоположение в силу неопределенности своего нормативного содержания в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник

вправе отказаться от наследства, допускает возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения института направленного отказа от наследства в этой части.

2. Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование отказа от наследства в пользу других лиц надлежащие изменения, вытекающие из требований Конституции Российской Федерации и настоящего Постановления.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Кондрачука Михаила Валерьевича, основанные на положении абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации в истолковании, данном в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации